

УДК 81.119

Н. П. Мартысюк

Белорусский национальный технический университет

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕЧИ

Основная категория описания в данной статье — адресат, результат интерпретирующей деятельности которого предлагается описывать в терминах эффективности: семантической, прагматической и действенной. Природа семантической эффективности рассматривается на основе психологической категории восприятия, природа прагматической эффективности — на основе психологической категории понимания, природа действенной эффективности — на основе реальной демонстрации ответного понимания. Для описания вербального или невербального проявлений эффективности предлагается термин *ответное понимание*. С целью терминологизации эффекта на адресата анализируются качества эффективности: успешная коммуникация, оптимальная коммуникация, адекватное восприятие, правильное понимание, взаимопонимание, эффективность общения, оптимальность общения, успешность общения. На основе достижения партнерами по общению положительного результата вводится классификация видов эффективной коммуникации: идеальной, гармоничной и конфликтной. Идеальная коммуникация — это процесс четко ориентированной коммуникации, в котором говорящий сразу добивается поставленной цели. Гармоничная коммуникация характеризуется благоприятным ходом общения, однако отличается от идеальной количеством усилий говорящего, затраченных на проявление ответного понимания, и скоростью реакции собеседника. Конфликтная коммуникация — это проявление дисгармонии в общении при положительном его исходе.

Ключевые слова: ответное понимание, восприятие, понимание, эффективность коммуникации, эффективная коммуникация.

N. P. Martyssiuk

Belarusian National Technical University

PRAGMALINGUISTIC MODELLING OF SPEECH EFFECTIVENESS

The subject of the article is the addressee whose interpreting activity is offered to be described in terms of effectiveness: semantic effectiveness, pragmatic effectiveness, and resultative effectiveness. Semantic effectiveness and pragmatic effectiveness are revealed on the basis of psychological categories of perception and understanding respectively. Resultative effectiveness is revealed on the basis of postverbal demonstration of understanding. The term used to describe a verbal or nonverbal act in reply for the three effectivenesses is *response understanding*. In order to name the effect upon the addressee the following effectiveness quantities are analyzed: successful communication, effective communication, favourable communication, adequate perception, desirable understanding, mutual understanding, communication effectiveness, communication successfulness. The idea of positive result in interaction underlies the classification of effective communication into: ideal communication, harmonious communication, and conflict communication. The difference between ideal communication and harmonious communication is described in terms of efficiency: the addresser's goal achievement process in ideal communication is produced with a minimum of effort and quickly, whereas the same process in harmonious communication is produced with a maximum of effort and slowly. Conflict communication means that the addresser's positive goal achievement process is characterized by the alternation of positive and negative speakers' intentions; the addresser achieves a desirable effect without psychologically destructive efforts.

Key words: response understanding, perception, understanding, communication effectiveness, effective communication.

Введение. Исходной предпосылкой лингвистического анализа речи является семиотический постулат: язык — это система взаимно

интерпретирующих друг друга знаков, которая в смысловом содержании отвечает на все потребности человека и нацелена на достижение

«пусть не всегда четко представляемой, но все же намеченной цели общения» [1, с. 54]. При описании речевой коммуникации результативность достижения поставленных целей обозначается словом *эффективность* и такими синонимичными ему речевыми формами на основе лексем *восприятие* и *понимание*, как *адекватное* или *эффективное восприятие/понимание*, *успешное* или *правильное понимание*, *взаимопонимание*, *эффективность/оптимальность/успешность общения* и пр., которые соприкасаются в значении 'результат, исход'. Однако, если в научном регистре лингвистический статус *восприятия* и *понимания* уже давно определен, то лингвистический статус *эффективности* пока остается открытым: денотативно-референтные и функционально-прагматические свойства этого слова требуют разъяснения. Несмотря на то, что слово является широко распространенным и даже модным, оно, как показывают наши наблюдения, зачастую употребляется неуместно, что предполагает размытость объема значения, включенного в него. Поэтому в центре внимания данной статьи — с одной стороны, попытка включить в номенклатуру речеведческих категорий лексему *эффективность*, придав тем самым ей терминологическую значимость, а с другой стороны, при оценке результативности использования языка осудить злоупотребление речевыми формами типа *успешное понимание* и другими, указанными выше.

Уже эти предварительные и самые общие наши размышления показывают, что понятие *эффективность* — неоднозначно и специфицируется как внутренними механизмами речевой организации человека — восприятием и пониманием, так и его оценкой.

Основная часть. И восприятие, и понимание как внутренние механизмы речевой организации человека входят в перечень психолингвистических категорий. В психолингвистике в силу своей скоротечности и переплетенности между собой они полностью отождествляются, поскольку образуют единый процесс «перцептивно-мыслительно-мнемической деятельности» [2, с. 297–298, 309], происходящий в режиме 'реального времени': адресат, действует синхронно с адресантом, «а не ждет конца отрезка речи, чтобы истолковать его через соразмерный промежуток времени, подобно критику, пишущему рецензию на книгу» [3, с. 185]. Этот процесс И. А. Зимняя предлагает называть смысловым восприятием [2, с. 297–298]. Факт отсутствия между восприятием и пониманием принципиальных различий на уровне переработки информации делает концепцию И. А. Зимней весьма популярной в психолинг-

вистике и, соответственно, удобной для проведения исследований.

Однако вопрос о роли восприятия и понимания при обосновании эффективности речевого воздействия ставит эти категории в ряд прагмасемантических и требует их четкой дифференциации. Такое положение объяснимо, так как необходимость построения интерпретационных моделей семантики полученного сообщения в рамках эффективности речевого воздействия вызывается отчасти трудностями непосредственного применения психолингвистических теорий, ограниченных исследованиями только внутренних речемыслительных механизмов сознания, формирующих, однако, инвариантное основание для такого построения в виде психологических категорий, связанных с передачей смысловых отношений, возникающих в социальной практике общения. Поэтому в области автоматического распознавания речи, физиологии речи, нейролингвистике и фонологии восприятие и понимание рассматриваются как последовательные, переходящие друг в друга процессы переработки информации, где *восприятие* представляет собой начальный этап семантизации перерабатываемого сообщения, протекающий на сенсорном уровне, а *понимание* — конечный этап семантизации, протекающий на уровнях мышления и памяти. Что касается прагмалингвистических и лингвосемантических изысканий, то они предпочитают не выходить за рамки привычных психолингвистических постулатов, отождествляющих восприятие и понимание, хотя и отмечают опосредованность последних экстра- и паралингвистическими факторами, содействующими эффективному исходу коммуникации.

Таким образом, при ориентации на исход коммуникации как нашей основной цели моделирования мы обязаны следовать удобной для исследователя схеме протекания процессов речемыследействия и расценивать восприятие и понимание как последовательные интерактивные процедуры, обуславливающие желаемый результат.

Имеющийся в науке опыт изучения проблем речемыследействия дает нам некоторый концептуальный аппарат для создания частных моделей эффективности речи, характер которых зависит от уровня обработки полученной информации, соответствующего, с одной стороны, этапам ее семантизации — восприятия и понимания, с другой стороны, реальному оправданию коммуникативных ожиданий говорящего. Так, сенсорный уровень позволяет нам говорить о семантической эффективности, уровне мышления и памяти — о прагматической эффективности, а вот уровень реальной

экспликация ожиданий говорящего (конечно же, на основе уровней семантизации) — о действительной эффективности. Все эти разновидности эффективности могут быть декодированы с помощью «выразительных движений» (термин В. Вундта [4]): либо в виде вербализованной информации, либо мимики и пантомимики, либо спрогнозированных поступков адресата, или всего этого вместе. Попутно заметим, что при описании каждой из эффективностей мы будем оперировать Бахтинским термином *ответное понимание* [5, с. 48], который в полной мере отражает диалоговый характер речи, то есть направленность на поиск коммуникативных параметров языка, обеспечивающих не абстрактный обмен информацией, а тот реальный процесс общения, который складывается из таких компонентов, как информативное содержание речи говорящего и активная интерпретирующая деятельность слушающего.

Представим подробнее наши соображения относительно каждого из видов эффективности.

Семантическая эффективность как довербальная «интуитивная мыслительная деятельность» [1, с. 107] адресата определяется общей направленностью на то или иное действие пропущенного через сенсорное поле мыслительного процесса и в отношении полученной информации характеризуется возникновением ощущений, чувств и представлений (образов) — опосредованных эмоциональным фоном интенциональных состояний типа гнева, радости, любви, тревоги, гордости, ненависти и пр. Собственно говоря, семантическая эффективность как проявление ответного понимания довербального уровня может считываться с выражения лица, которое у нас краснеет от гнева/смущения или бледнеет от ужаса, или же демонстрироваться определенными телодвижениями: например, для выражения недоумения и нерешительности мыжимаем плечами, разводим руки, переминаемся с ноги на ногу, а для выражения одобрения и радости хлопаем руками, прыгаем. В этом смысле семантическая, глубинная эффективность может ограничиться сенсорным уровнем, а может перейти в **прагматическую эффективность** в виде основы для выражения потребности в вербализации интенционального состояния, но уже на уровнях мышления и памяти. Именно благодаря речи, писал советский психолог и философ Мегрелидзе К. Р., «воспроизводство представлений и работа воображения чрезвычайно облегчаются. Процесс репродукции мысленного содержания является беглым, сознание освобождается от тирании сенсорного поля, приобретает свободу воображения» [6, с. 106].

Получается, что прагматическая эффективность как проявление ответного понимания

вербального уровня сигнализирует о состоявшихся когнитивных процессах переработки информации, формирует ответные смыслы, побуждающие к речевой деятельности, и ограничивается рамками обещания отреагировать на интенцию говорящего. Как показывает широкая практика изучения прагматики речи, прагматическая эффективность объясняется через способность универсальных уровней иллюкативной силы — субъективности, адресности, мотивированности и интенциональности — эксплицитировать ответное понимание.

Но иногда вербальных средств оказывается недостаточно, чтобы узнать, действительно ли говорящий достиг поставленной цели? Чтобы ответить на поставленный вопрос, приведем наивный пример. Изложив свою мысль, говорящий в конце спрашивает: «Тебе все понятно?». Слушающий отвечает: «Да, понятно». На этом интеракция заканчивается. Как видно, на основе ответного понимания в виде подобного квазиобещания сложно прогнозировать, сделает ли слушающий то, что от него ждут, или нет? А вот если слушающий, ответив «Да, понятно», далее демонстрирует ответное понимание поствербально — идет и открывает дверь, пишет письмо и пр., то имеет смысл утверждать, что поставленная говорящим цель окончательно достигнута. Таким образом, именно практическая деятельность адресата является доказательством действительного и полного понимания слов и мыслей собеседника. В этом случае имеет смысл говорить о **действительной эффективности** речи.

О действительной эффективности имеет смысл говорить и в случае выражения ответного понимания в виде коммуникативного действия молчания, опосредованного интенцией согласия. Например, на занятии преподаватель говорит: «А теперь запишем домашнее задание». Студенты, демонстрируя ответное понимание, молча берут ручки и выполняют волю преподавателя.

Пока очевидно, что представленная типизация носит схематический характер и не претендует на полноту, однако, думается, облегчает оценку сложных психических процессов при проведении прагматического анализа речи.

Теперь остановимся на проблеме оценки качества эффективности коммуникации — задаче, которая исследователями прагматики речи никогда специально не ставилась.

По нашим данным, в многочисленной литературе по риторике и прагматике при оценке исхода коммуникации исследователи, не задумываясь, употребляют речевые формы *эффективная коммуникация, успешная коммуникация, оптимальная коммуникация, адекватное*

восприятие, правильное понимание, взаимопонимание, эффективность общения, оптимальность общения, успешность общения в смысле 'не приводящий к дисгармонии в общении' [7] или 'гладкий', 'успешный' [8, с. 32], подчеркивая тем самым только положительный результат коммуникации и факт синонимичности понятий, которые эксплицируют ненапрасные усилия говорящего, направленные на достижение поставленной цели. Тогда спрашивается: как быть с конфликтной коммуникацией, которая тоже зачастую имеет положительный исход, потому что говорящий добивается поставленной цели, не прибегая к психологически деструктивным способам его достижения? Является ли в таком случае конфликтная коммуникация эффективной? Предварительные попытки ответить на эти вопросы представлены в наших работах [9, 10].

Очевидно, что поставленные вопросы требуют от нас разъяснения денотативно-референтной и семантико-прагматической функций всех лексем, участвующих в описании исхода коммуникации. Поэтому обратимся для начала к словарю, но при этом будем помнить, что *эффективный*, *успешный*, *адекватный*, *правильный* и *оптимальный* — это атрибуты коммуникации, то есть качества речи, *восприятие* и *понимание* — это этапы семантизации смысла, и что ответное понимание проявляет себя на всех трех стадиях коммуникативного акта: довербальной, вербальной и поствербальной.

Итак, словарные дефиниции из толкового словаря русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой сообщают нам следующее:

адекватный 'вполне соответствующий, совпадающий' || *сущ.* адекватность;

взаимопонимание 'взаимное понимание и согласие';

оптимальный 'наиболее благоприятный' || *сущ.* оптимальность;

правильный 3. 'верный, соответствующий действительности, такой как должно' || *сущ.* правильность;

успешный 'сопровождающийся успехом, удачный' || *сущ.* успешность;

эффективный 'дающий эффект (во 2 знач.): действие как результат чего-н., следствие чего-н.; действенный' || *сущ.* эффективность [11].

Как видим, для обозначения исхода общения в вербальной и поствербальной фазах понятиям *успешная коммуникация* и *оптимальная коммуникация* присуща сема положительности, *эффективной коммуникации* — семы положительности и отрицательности. Для обозначения исхода общения в довербальной и вербальной фазах понятиям *адекватное восприятие*, *правильное понимание*, *взаимопонимание*, также

присуща сема положительности. К тому же, если вспомнить, что восприятие и понимание — это этапы декодирования и истолкования интенции говорящего (а интенции могут быть не только положительными, но и отрицательными), то в содержание этих понятий можно включить и сему отрицательности как элемент семиотической сопротивляемости слушающего. Например, на уровне понимания в конфликтной интеракции говорящий может добиться поставленной цели. Если еще вспомнить, что *адекватное восприятие*, *правильное понимание*, *взаимопонимание* — это оценки качества восприятия и понимания сообщения, то есть оценки результата протекания коммуникации в довербальной и вербальной стадиях, то становится очевидным, что лишь *эффективность* и есть «интегральное свойство речи, свидетельствующее о том, насколько речь достигла поставленной при ее создании задачи» [12, с. 789]. Далее, правда, автор этой дефиниции считает, что *эффективность*, в отличие от других описаний ответного понимания, оценивается только после исхода коммуникации. С чем мы не согласны и, на наш взгляд, доказали выше: *эффективность* может употребляться для обозначения исхода общения на любой из его стадий (см. семантическая, прагматическая и действительная эффективность).

Более того, проведенный семантический анализ показывает, что лингвисты, интуитивно используя данный терминологический аппарат, не придают значения, какую фазу акта коммуникации они изучают, и, таким образом, не отличают описание качества речи, оцениваемого после исхода коммуникации, от описания качества работы внутренних механизмов организации речи — восприятия и понимания, оцениваемых до и во время коммуникации. В таком случае спрашивается: неужели можно ставить под сомнение полученные ими результаты?

Как отмечалось выше, под эффективностью общения понимается положительный исход коммуникации, в смысле — достигнутый говорящим желаемый эффект на адресата. Рассмотрим варианты достижения этого эффекта.

Положительный, как указывает словарная дефиниция, значит 'заслуживающий одобрения, полезный и существенный' [11, с. 555]. Получается, что решение о полезности своей речи определяется субъектом-говорящим, и по умолчанию, следовательно, полученная информация обязательно должна быть одобрена адресатом и интерпретирована как существенная и необходимая. Назовем такую коммуникацию *идеальной*. Но так ли это на самом деле? Какова доля идеальных эпизодов общения в отдельно взятом законченном, цельном и связном

знаковом образовании, например, в художественном тексте как проекции реальной действительности?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы провели небольшой эксперимент. Материалом послужили два наугад отобранных англоязычных рассказа разного объема, избобилующие интерактивными эпизодами: E. Gilchrist “The Stucco House” (0,5 п. л.) и S. Dobyns “So I Guess You Know What I Told Him” (0,7 п. л.) [13].

Для начала уточним, что мы понимаем под идеальной коммуникацией. По форме это, как минимум, — диалогическое единство, состоящее из двух реплик, в котором семантика высказывания инициатора общения ориентирована на активное ответное понимание со стороны адресата. Иными словами, **идеальная коммуникация** — это процесс четко ориентированной коммуникации, в котором говорящий сразу добивается поставленной цели, потому что слушающий, получив информацию, одобряет и интерпретирует ее как существенную и необходимую. Например:

(1) “*I want a Coke,*” *Teddy said. “I’m thirsty.”* — “*Okay,*” *Eric answered. “I’ll get you one.”* *Eric went back into the house and reappeared carrying a frosty bottle of Coke with the top off* [13, с. 32].

Этот пример ясно показывает, что цель говорящего (‘удовлетворить жажду’), выраженная стратегией просьбы (‘хочу кока-колу, хочу пить, принеси попить’), достигнута сразу же — адресат, эксплицируя стратегию согласия, выполнил просьбу и принес кока-колу.

Подобные интерактивные эпизоды немногочисленны и составляют по 1% от выборки в каждом из рассказов.

Однако в 57% достижение поставленной цели требует преодоления ряда таких препон, как получение неполной или неточной ответной информации, желание адресата продолжить разговор. Здесь достижение поставленной цели заключается в умении говорящего правильно выстроить свою стратегию (или стратегии), а слушающего — оправдать ожидания говорящего. Назовем такую коммуникацию **гармоничной**.

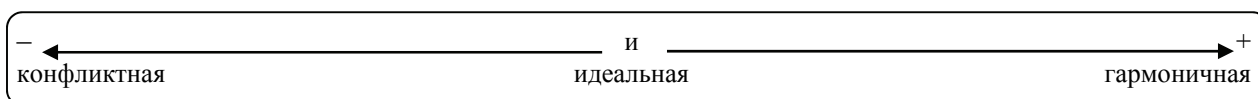
Как видно, основное различие между представленными двумя видами коммуникации — скорость достижения поставленной цели. В этом смысле слово *эффективность* в значении ‘результат, исход’, в значении весьма популярном в речеведении, пополняется значе-

нием ‘оперативность’ — оперативность выражения ответного понимания со стороны адресата.

Продолжая наш анализ полученных данных относительно видов эффективной коммуникации, отметим, что 41,7% случаев достижения поставленной цели требуют от говорящего искусства оперировать вербальными стратегиями, так как слушающий требует убедить себя в необходимости и существенности полученной информации. Это так называемые случаи проявления дисгармонии в общении, когда адресат вербально демонстрирует случаи либо непонимания, либо недопонимания, либо сверхпонимания сказанного, что выражается в стратегиях переспроса, перебивания и пр., вплоть до открытой вербальной агрессии [9]. В литературе этот вид коммуникации именуется **конфликтным** или негармоничным. И только 0,3% (в одном из исследуемых рассказов) свидетельствует о том, что коммуникация по формальным признакам не состоялась: на реплику-стимул не последовало никакой ответной реакции, в том числе и авторского комментария. Не описывая ответное понимание героя-адресата и тем самым стремясь создать объективность повествования, автор предоставил читателю богатую пищу для размышлений — возможность попытаться самому сопоставить те или иные факты и сделать соответствующие выводы.

Теперь подведем некоторые итоги наших рассуждений относительно эффективной коммуникации, представив их схематично, где знак ‘и’ — показатель идеальной коммуникации; знак ‘-’ — показатель конфликтной коммуникации; знак ‘+’ — показатель гармоничной коммуникации (рисунок).

Данная схема позволяет заключить, что эффективная коммуникация представляет собой родовую категорию по отношению к категориям идеальной, конфликтной и гармоничной, где гармоничная, то есть успешная, оптимальная, положительная, адекватная, — мерило благоприятной речевой активности. Исследователи, таким образом, упускают из поля зрения конфликтную коммуникацию, в которой говорящий добивается поставленной цели, не прибегая к помощи психологически деструктивных стратегий. К тому же и гармоничная, и конфликтная интеракции представлены в нашем эксперименте приблизительно одинаковыми показателями (57% и 41,7% соответственно).

Виды эффективной коммуникации

Следовательно, эффективную коммуникацию можно определить как достижение *желаемого* результата, то есть прогнозируемой перлокуции (выяснить, действительно ли говорящему удалось побудить слушающего совершить то или иное действие). Степень желаемого результата может варьировать по оси 'плюс' и 'минус' относительно идеального речевого события.

Представляется очевидным, что определение в общих чертах эффективности коммуникации как достижения желаемого результата и уточнение отдельных ее проявлений — гармоничности и конфликтности — в терминах степени эффективности не вызывает ложного ощущения абсолютных оценок в семантическом поле качества перлокуции.

Но и это еще не все. Из допущения о том, что конфликтная коммуникация зачастую ведет к достижению поставленной цели, а гармоничная — к рассогласованию коммуникативных действий говорящих, делаем еще один вывод: необходим единый источник исчисления показателей эффективной коммуникации.

Общеизвестно, что таким источником является эмоционально-оценочный фон, подразумевающий субъект-объектные и субъект-субъектные ценностные отношения. В этой связи Н. Д. Арутюнова пишет, что «вся полученная в процессе коммуникации информация как бы пропускается сквозь призму человеческой психики и предстает в качестве эмоциональной оценки, положительной или отрицательной. Оценка выражает личное мнение и вкусы говорящего, а они различны у разных людей. Во внутреннем мире человека оценка отвечает мнениям и ощущениям, желаниям и потребностям, долгу и целенаправленной воле. Это создает ее конфликтность...» [14, с. 6].

Поддерживая мнение Н. Д. Арутюновой о ценностном характере общения, заметим лишь, что общечеловеческие представления о хорошем и плохом, добре и зле, пользе и вреде и пр. мы склонны рассматривать как семантические примитивы, на которые может быть разложено само понятие эффективной коммуникации. Поэтому, наверное, не случайно Дж. Остин прибегает к понятию зла при оценке протекания акта коммуникации, утверждая, что коммуникативные неудачи, конфликт — это «зло, угрожающее *всем* актам» [8, с. 35], а гармония в общении, как полагаем мы, — это, следовательно, добро. Отражая таким образом самые глубинные процессы коммуникации, данная категоризация позволяет сделать вывод о нравственных основах общения. Попутно подчеркнем, что мы не согласны с цитируемым автором относительно оценки протекания коммуникативного

акта, чему, собственно говоря, и посвящены все наши предыдущие рассуждения.

Итак, обобщая все сказанное выше, обратим еще раз внимание на то, что конфликтная коммуникация — это борьба и положительных, и отрицательных оценок, то есть установление между говорящим и слушающим негативного эмоционально-оценочного отношения, несмотря на которое говорящий добивается поставленной цели(-ей), а гармоничная коммуникация — баланс положительных оценок, то есть установление между говорящим и слушающим положительного эмоционально-оценочного отношения, которое только способствует «гладкому» (по Остину) целедостижению. И в том, и другом случае мы говорим, что коммуникация состоялась. Значит, характер этой коммуникации — эффективный.

Отсюда нетрудно заметить, что любая интеракция с положительным исходом есть эффективная коммуникация, и от этого «никуда не уйдешь, так же, как и от факта, что у каждой палки два конца», — писал в свое время В. А. Звегинцев [15, с. 389], отмечая двусторонность акта коммуникации и динамический разнонаправленный характер речевой деятельности, управляемой разными, но корректирующими друг друга механизмами [15, с. 388; 16, с. 21].

Закключение. Все сказанное выше представляется существенным, поскольку современным подходам к определению эффективности коммуникации недостает единства в понимании базовых терминов, являющихся близкими, но не тождественными, и комплексного учета факторов, влияющих на исход общения. Здесь мы согласны с Е. В. Клюевым, который считает, что при анализе эффективности общения нередко абсолютизируется показатель достижения целей коммуникантов и не учитывается ряд экстралингвистических факторов [17]. Полученные нами данные подготовили почву для целенаправленного исследования коммуникативных качеств речи на всех этапах речевого общения: довербальном (семантическая эффективность), вербальном (прагматическая эффективность) и поствербальном (действенная эффективность).

Наши рассуждения следует рассматривать не только как предварительные соображения по поводу построения теории эффективности речи, но и как предварительную концепцию лингвистического градуирования качества перлокуции в терминах эффективной коммуникации, успешной коммуникации, конфликтной коммуникации, оптимальной коммуникации, адекватного восприятия, правильного понимания, взаимопонимания.

Литература

1. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М.: Наука, 1984. 268 с.
2. Зимняя И. А. Лингвopsихология речевой деятельности. М.: Моск. психолого-социал. и-т; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 432 с.
3. Пинкер С. Язык как инстинкт / пер. с англ. и общ. ред. В. Д. Мазо. М.: Едиториал УРСС, 2004. 456 с.
4. Зелинский Ф. Ф. Вильгельм Вундт и психология языка (1901). URL: http://dugward.ru/library/zelinskiy/zelinskiy_vilgelm.html (дата обращения: 30.01.2018).
5. Волошинов В. Н. (М. М. Бахтин). Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М.: Лабиринт, 1993. 189 с.
6. Мегрелидзе К. Р. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси: Мецниереба, 1973. 437 с.
7. Третьякова Г. Н. Вариативность в аспекте эффективности коммуникации. Минск: МГЛУ, 2003. 406 с.
8. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. / пер. с англ. А. А. Медникова; общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 22–129.
9. Мартысюк Н. П. Стратегии речевого поведения как отражение гендерных социальных ролей (в ситуации конфликта): дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2001. 127 л.
10. Мартысюк Н. П. Проблемы терминирования коммуникативных качеств речи // Мова і культура. К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2012. Вип. 15. Т. V (159). С. 197–201.
11. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
12. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова [и др.]. М.: Флинта: Наука, 2003. 840 с.
13. The Best American Short Stories 1995 / Selected by J. Smiley and K. Kenison. Boston; N.-Y.: Houghton Mifflin Company, 1995. 366 p.
14. Арутюнова Н. Д. Типы языковых явлений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
15. Звегинцев В. А. Новые черты современного языкознания // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1965. Вып. 4. С. 381–389.
16. Звегинцев В. А. Применение в лингвистике логико-математических методов // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1965. Вып. 4. С. 7–33.
17. Ключев Е. В. Речевая коммуникация. Успешность речевого взаимодействия. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. 320 с.

References

1. Dridze T. M. *Tekstovaya deyatel'nost' v strukture sotsial'noy kommunikatsii* [Text Activity within the Framework of Social Communication]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 268 p.
2. Zimnyaya I. A. *Lingvopsikhologiya rechevoy deyatel'nosti* [Linguistic Psychology of Speech Activity]. Moscow, Moskovskiy psikhologo-sotsyal'nyy institut; Voronezh: NPO "MODEK" Publ., 2001. 432 p.
3. Pinker S. *The Language Instinct*. N.-Y., William Morrow and Company, 1994. 483 p. (Russ. ed.: Pinker S. *Yazyk kak instinkt*. Trans. and ed. by V. D. Mazo. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 456 p.).
4. Zelinskiy F. F. *Vil'gel'm Vundt i psikhologiya yazyka* [Wilhelm Wundt and the Psychology of Language]. 1901 (In Russian). Available at: http://dugward.ru/library/zelinskiy/zelinskiy_vilgelm.html (accessed 30.01.2018).
5. Voloshinov V. N. (M. M. Bakhtin). *Marksizm i filosofiya yazyka: Osnovnyye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o yazyke* [Marxism and the Philosophy of Language: Basic Problems of Sociological Method in the Science of Language]. Moscow, Labirint Publ., 1993. 189 p.
6. Megrelidze K. R. *Osnovnyye problemy sotsiologii myshleniya* [Sociology of Thinking Basic Problems]. Tbilisi, Metsniyereba Publ., 1973. 437 p.
7. Tret'yakova G. N. *Variativnost' v aspekte effektivnosti kommunikatsii* [Variability in the Aspect of Communication Effectiveness]. Minsk, MGLU. Publ., 2003. 406 p.
8. Ostin J. L. *How to Do Things with Words*. Oxford Univ. Press, 1962. 174 p. (Russ. ed.: Ostin Dzh. L. *Slovo kak deystviye*. In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 17*. Trans. by A. A. Mednikov and ed. by B. Yu. Gorodetskiy. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 22–129).

9. Martysyuk N. P. *Strategii rechevogo povedeniya kak otrazheniye gendernykh sotsial'nykh roley (v situatsii konflikta)* Dis. kand. filol. nauk [Speech Behaviour Strategies as the Reflection of Gender Social Roles (in a Conflict Situation). Cand. Diss.]. Minsk, MGLU. Publ., 2001. 127 p.

10. Martysyuk N. P. How to Name Communicative Qualities of Speech. *Mova i kul'tura* [Scientific Journal]. Kiev, Vidavnicхий Dim Dmitra Burago Publ., 2012, issue 15, vol. V (159), pp. 197–201 (In Russian).

11. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [An Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80 000 words and phraseological units]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999. 944 p.

12. *Kul'tura russkoy rechi: entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Culture of Russian Speech: Encyclopedia and Reference Book]. Ed. by L. Yu. Ivanov, A. P. Skovorodnikov [et al.]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2003. 840 p.

13. The Best American Short Stories 1995. Selected by J. Smiley and K. Kenison. Boston; N.-Y., Houghton Mifflin Company Publ., 1995. 366 p.

14. Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh yavleniy. Otsenka. Sobytiye. Fakt* [Types of Language Phenomena. Assessment. Event. Fact]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 341 p.

15. Zvegintsev V. A. New Traits of Modern Science of Language. *Novoye v lingvistike* [New in linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1965, issue 4, pp. 381–389 (In Russian).

16. Zvegintsev V. A. Logical and Mathematical Methods in Linguistics. *Novoye v lingvistike* [New in linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1965, issue 4, pp. 7–33 (In Russian).

17. Klyuev Ye. V. *Rehevaya kommunikatsiya. Uspeshnost' rehevogo vzaimodeystviya* [Speech Communication. Successfulness of Speech Interaction]. Moscow, RIPOL KLASSIK Publ., 2002. 320 p.

Информация об авторе

Мартысюк Натэла Петровна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка № 2. Белорусский национальный технический университет (220013, г. Минск, пр-т Независимости, 65, Республика Беларусь). E-mail: natela.martysyuk@yandex.ru

Information about the author

Martysyuk Natela Petrovna — PhD (Philology), Associate Professor, Head of the 2nd English Department. Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: natela.martysyuk@yandex.ru

Поступила 18.04.2018